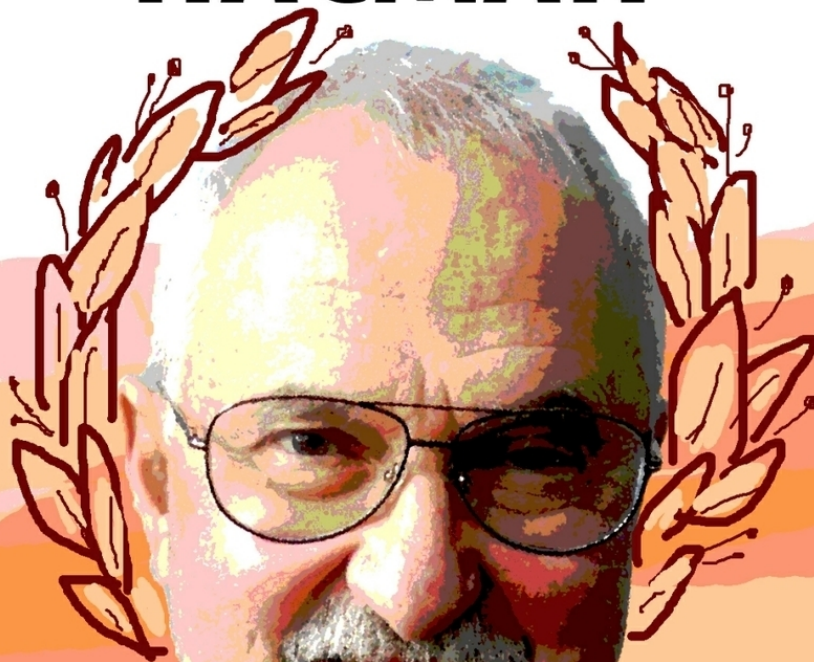

АРКАДИЙ ПАСМАН

СОНЕТЫ & ВЕНКИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Аркадий Пасман

Сонеты и венки

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Пасман А.

Сонеты и венки / А. Пасман — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Сонет. Одна из самых регламентируемых форм стихосложения. Четырнадцать строк, в которых, подчас, заключена целая жизнь.... А если сонетов четырнадцать и они сплетены в тугой венок, который так и называется - Венок сонетов? Содержит нецензурную брань.

Содержание

божественный венок	11
новогодний венок	17
осенний венок	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

венки в три трети

«И сверху лёд, и снизу, маюсь между...»

В. Высоцкий.

Хруст снега под отцовским каблуком,
Январский вечер холоден и ясен,
Мы из кино домой пешком идём,
Хороший фильм. Отец со мной согласен.

Витрины ярко светятся во тьме,
Морозный воздух щёки обжигает,
Снежинки пляшут в вечной кутерьме,
И изредка машины пробегают.

Мы скоро будем к дому подходить,
Ещё квартал, и мы почти у цели,
Но мне совсем не хочется спешить,
Хоть холодно, и уши побелели.

Но клонит в сон, уже ведь очень поздно.
Большой Каретный спит под небом звёздным.

Большой Каретный спит под небом звёздным,
Из форточек клубится белый пар,
И дворник Фёдор, враг мальчишек грозный,
В сторожке раздувает самовар.

Звук патефона слышится негромко,
Шульженко что-то жалобно поёт,
И лай собаки, радостный и звонкий,
Должно быть, спать кому-то не даёт.

Утихший дом, неярко освещает
Холодным светом бледный блин луны,
И вьюга у ворот фонарь качает.
Большой Каретный спит, и видит сны...

Он словно кот, свернувшийся клубком...
Мне этот двор как мой портфель знаком.

Мне этот двор, как мой портфель знаком,
Давно, уже наверно четверть века,
Я пробирался на балкон тайком,
Чтоб покурить отцовского «Казбека»,

Душистый дым мне ноздри щекотал,
И календарь листая прошлогодний,
Я только об одном тогда мечтал,
Чтоб Катя на каток пришла сегодня...

И сердце полетело кувырком,
И всё смешалось в мареве зелёном,
Сараи, липа, горка за катком,
И поцелуй, внезапный, и солёный.

Настало время задавать вопросы.
Четырнадцать. Я скоро стану взрослым.

Четырнадцать. Я скоро стану взрослым,
И я смогу увидеть целый мир,
Занятое выбрать никогда не поздно,
Я сам себе солдат и командир,

Передо мною все пути открыты.
Могу стать офицером, как отец,
Полярником, суровым и небритым,
Или актёром стану, наконец!

И буду, словно Жаров и Ильинский,
Играть в театре, и играть в кино,
Хоть комсомольцу не к лицу хвалиться,
Я знаменитым стану всё равно!

Кормлю я снегирей, моих гостей,
Хруст сухаря звучит как хруст костей...

Хруст сухаря звучит как хруст костей.
Да, ужин мой не слишком-то роскошен,
Но я сижу на кухне у друзей,
И лучший вечер просто невозможен!

Мы голодны, отважны и лихи,
И нету тем запретных в спорах наших,
Читаем запрещённые стихи,
И пьём плохой портвейн из чайных чашек.

И снова разговоры до утра,
И снова дым табачный, и гитара...
И снова всем на лекции пора,
Спешим из переулка до бульвара.

Но чудится на улицах столицы
Писк крысы в спёртом воздухе темницы.

Писк крысы в спёртом воздухе темницы,
Внезапно смех сменил, и голоса,
И треснули, расширившись, границы,
И пелена исчезла на глазах,

И хоть крепки замшелые законы,
Но всё же воздух стылый потеплел,
Поэты собирали стадионы!
И я тогда с гитарою запел.

Мой хриплый голос зазвучал повсюду,
Сперва негромко, а потом слышней...
Об этом я рассказывать не буду,
Тревожит душу тень прошедших дней.

Не властен я над памятью своей,
Я – сам себя предавший Галилей...

Я – сам себя предавший Галилей,
Я слишком много времени растратил
На ерунду, на пьянки, на блядей,
Боюсь, однажды мне его не хватит...

Но я так жил! Бездумно, день за днем!
Но я так пел! Хрипел, до боли в глотке!
Мне Чехов говорил: «Мы отдохнём...»
И я, как Астров, растворялся в водке...

Но как же много я тогда играл!
Вдыхая взгляды зрительного зала,
На сцене я и жил, и умирал,
И в сутках мне часов не доставало.

Глаза закрою – города и лица.
Мне – двадцать восемь. Время репетиций.

Мне двадцать восемь. Время репетиций.
Народ в Таганку рвётся круглый год.
Я вновь недавно вышел из больницы,
Любимов поругает, но возьмёт.

Вот, распахнулись царские палаты,
Шумит разноголосая семья,
Здесь Золотухин, Славина, Филатов,
И Танечка, красавица моя...

Я снова с вами, значит, всё в порядке,
Ну, прямо Чацкий – «С корабля на бал!»
Директор что-то записал в тетрадке,
И головой сурово покачал.

И спазм, что рот мой горечью заполнил,
«Мне сорок два...» – непрошено напомнил.

«Мне сорок два...» – непрошено напомнил
Оторванный листок календаря,
И душу вновь надеждою наполнил,
Что, всё-таки, а может всё не зря?

Есть множество причин для оптимизма,
Ведь «Человек – начало всех начал!»
Я всё-таки дожил до коммунизма,
Как нам Хрущев когда-то обещал!

Москва бурлит, шум, гам и канонада,
На улицах разноязыкий хор,
Ну вот, пришла и к нам Олимпиада,
Бессмысленный, но радостный костёр.

И эхом отдаётся вдалеке,
Хруст ампулы, раздавленной в руке.

Хруст ампулы, раздавленной в руке...
Вот и опять до счастья не добрался!
Нельзя построить замок на песке,
И я не смог. Не смог, хотя старался.

Я пел, играл в театре, жён менял,
Двух сыновей родил, уж так случилось,
И наконец Любимую обнял,
Она из звёзд однажды появилась.

И обретя заветную мечту,
Всё то, что было просто невозможным,
Я понял, время подводить черту,
Границу между истинным, и ложным.

Теперь меня и беды не догонят,
И злые, привередливые кони!

И злые, привередливые кони,
Храпят, скосив кровавые глаза,
Меня вампиры жуткие хоронят,
В углу перекосились образа,

Мой истребитель падает отвесно,
Мой горизонт по прежнему далёк,
В хрустальном доме спит моя невеста,
И над ареной я пройти ре смог...

Поэты вечно ходят без брони,
И режут в кровь свои босые души,

О, Господи, Спаси и Сохрани,
Чтоб я себя сберёг, а не разрушил,

И злые бесы, в страхе и тоске,
Куда-то проскакали вдалеке.

Куда-то проскакали вдалеке
Жираф влюблённый с Антилопой вместе,
Я в путь далёкий вышел налегке,
Как Хармс, с мешком, с бутылкой, честь по чести,

Куда пойду – пока не знаю сам,
А значит, никому не проболтаюсь,
Мой друг, взял, и уехал в Магадан,
Быть может, к Магадану прогуляюсь,

А может, прямо в космос улечу,
Созвездие Тау Кита проведать...
Теперь могу я делать, что хочу,
И не обязан вовремя обедать.

Совсем свободным стану очень скоро.
И нет уже ни славы, ни позора.

И нет уже ни славы, ни позора,
Вот только б роль последнюю сыграть...
Мне в след глядит Всевышний без укора,
Лишь Он один способен всё понять,

А всё поняв – простить великодушно,
Грехи мои развеяв, словно дым,
А мне его увидеть очень нужно,
Мне есть чем отчитаться перед ним!

Скажу – «Смотри, я весь перед тобою,
Писал стихи, актёрствовал, грешил.
Теперь глаза усталые закрою,
А ты уж сам судьбу мою реши.»

Ведь нету ни единого зазора,
Под каменной десницей Командора...

Под каменной десницей Командора,
Ты вспомнишь всё, что в жизни совершил,
И прошлое развеется, как мОрок,
Ведь ты попал туда, куда спешил,

Невыносима мраморная тяжесть,
Она тебя готова раздавить,

Но ты упрямо истукану скажешь –
«Я это сделал. Можно повторить.

Да, мы по разным правилам играем,
Так что судить не стоит свысока,
За то, что жребий сами выбираем,
Поверьте мне, цена невысока!»

Москва. Январь. Белым-бело кругом.
Хруст снега под отцовским каблуком.
3 ноября 2019 г.

Хруст снега под отцовским каблуком,
Большой Каретный спит под небом звёздным,
Мне этот двор, как мой портфель знаком,
Четырнадцать. Я скоро стану взрослым.

Хруст сухаря звучит как хруст костей,
Писк крысы в спёртом воздухе темницы.
Я – сам себя предавший Галилей.
Мне двадцать восемь. Время репетиций.

«Мне – сорок два...», непрошено напомнил
Хруст ампулы, раздавленной в руке,
И злые, привередливые кони
Куда-то проскакали вдалеке,

И нет уже ни славы, ни позора,
Под каменной десницей Командора...

БОЖЕСТВЕННЫЙ ВЕНОК

Когда Господь задумал этот мир создать,
Божественными планами движим,
Нам никогда, как видно, не узнать,
Нет никого, кто был бы рядом с Ним.

В звенящей, первозданной пустоте
Клубилась воля вечного Творца,
Блистающие ангелы – и те
Созданье всемогущего Отца!

Они, безмолвной, белой гурьбой
Носились, словно стая мотыльков,
И Бог тогда повлѣк их за собой,
Туда, где будет лучший из миров,

И вывел из безвременья тюрьмы,
Из ничего, из хаоса и тьмы.

Из ничего, из хаоса и тьмы
Невероятно трудно созидать...
И самые блестящие умы,
Не в силах высший замысел понять

Так и птенец, что спит за скорлупой,
Не может смысл полѣта осознать.
Так и во тьме блуждающий слепой
Дороги не сумеет отыскать.

Поэтому, нельзя, как не крути,
Понять хоть в чём – то помыслы Его,
И разум это может привести
В растерянность, и больше ничего

Он, мудрый, точно с чего начать -
Сперва, он свет решил Вселенной дать.

Сперва, он свет решил Вселенной дать –
Свет породил, и тьму отринул прочь,
Лишь часть её оставив, чтоб создать
Нам, отдых предвещающую ночь.

И Свет сиял, и радовал глаза
Пока лишь только Бога одного,
Да ангелов святых, чьи голоса
Приветствовали пением Его.

Он солнце запустил в небесный путь,
По куполу хрустальному небес,
И поразмыслив в тишине чуть-чуть
Создал вдобавок чудо из чудес

Средь облачной развесив бахромы
Луну и звезды, всё, что видим мы.

Луну и звезды, всё, что видим мы-
Неспешное движение планет,
Поток метеоритной кутерьмы
И росчерки стремительных комет,

Негромкий шёпот Млечного пути,
Рокочущий галактик разговор,
Рев черных дыр, что в пустоте летит-
Сливаются в один небесный хор.

Сверкала небосвода синева,
Её Творец над миром развернул,
Придирчиво не раз Он и не два
Все оглядел, и головой кивнул.

И тем, труды над небом завершил.
Потом Он твердь земли от моря отделил.

Потом Он твердь земли от моря отделил,
И волны хлынули на девственный песок,
И первый дождь на первый лес пролил,
Был воздух чист, а горизонт высок,

Седые горы устремились ввысь
Могучим гребнем ледяных вершин,
И водопады в миллионах брызг
Рвались свирепо к зелени долин.

Вода, бурлящей, бешеной струёй,
Дробила камни в яростной борьбе,
И Бог тогда ей даровал покой,
Заставив русло прорубить себе.

И укротил воды свирепый нрав,
Могучею рукой границу указав.

Могучею рукой границу указав,
И этим навсегда закон определив
Извечной смены дней, ночей, снегов и трав
Неслышной, как прилив, сменяющий отлив,

И вот, впервые Время потекло,
Мгновенья оставляя позади,
И Прошлое сквозь тусклое стекло
Глядит нам вслед, и нет к нему пути.

И мир был восхитителен, но – пуст,
Бессмысленна судьба его была...
Но эта неосознанная грусть
По Божьей Воле, навсегда ушла.

Он следующий шаг определил -
И тварями леса и воды населил,

И тварями леса и воды населил,
И пеньем птичьим зазвенела высь,
Орел лениво к солнцу воспарил,
В листве шуршащей светлячки зажглись,

Олень пугливый пролетал стрелой,
Косматый лев в густой тени лежал,
И диких пчёл трудолюбивый рой
Над ярким лугом весело жужжал,

И в этой пестрой суете земной,
Где всё свистит, рычит, пищит, мычит,
Порой одну зверушку от другой
Ну, просто невозможно отличить!

И наш Создатель, как всегда был прав,
Дав имя каждому, и вид, и цвет, и нрав.

Дав имя каждому, и вид, и цвет, и нрав,
Он отпустил создания свои.
Бродили вепри среди густых дубрав,
В тенистых рощах пели соловьи,

Дышало всё покоем и теплом
И безмятежно жизнь зверей текла,
Ведь Смерть своим бесчувственным крылом
Сюда еще проникнуть не могла

Волк и ягненок пили из ручья,
Голубка с ястребом кружились в вышине,
И дружная звериная семья
Не знала бед, довольная вполне.

Всевышний позаботился о них,
Устало бросив взгляд из-под бровей густых.

Устало бросив взгляд из-под бровей густых,
Он подивился мира красоте
В нём было столько радостей простых,
Таящихся в беспечной суете,

Метели филигранная стена,
Трепещущий ольшаник на ветру,*
И нежно голубая белизна
Кувшинки, что раскрылась поутру.

Придирчиво всё созданное Им,
Бог оглядел, кивая головой,
И был доволен – именно таким,
Хотел он видеть мир подлунный свой.

Моря, и горы, и леса прошёл -
В творениях своих изъяна не нашёл.
(*поклон Б.Пастернаку)

В творениях своих изъяна не нашёл,
Ведь в совершенстве недостатков нет.
Так дуба мощного несокрушимый ствол
Стоит не изменяясь сотни лет

Так в глубине, стремительный дельфин
Скользит беспечно, вольно и легко,
Так на заре пленительный павлин
Чудесный хвост, вздымает высоко,

Всем нашим миром правит Красота,
Несущая и счастье, и покой,*
Нам эта воплощенная мечта
Дарована Создателя рукой!

Он оглядел творенья рук своих,
И, улыбнулся, указав на них.
(*поклон А.С.Пушкину)

И улыбнулся, указав на них,
Доверчиво теснящихся у ног,
Невзрачных, ярких, маленьких, больших -
Для них уже Он сделал все, что мог,

Он накормил их сладостью плодов,
Хрустальной водою напоил,
И зелень шелестящую лугов
Ковром, под синим небом расстелил.

Не ищет благодарности Творец,

Да звери и не в силах осознать
Всё то, что совершил для них Отец,
Всё то, что захотел, и смог, им дать.

Но он не стал их наделять душой,
И произнёс – «Да, это хорошо!»

И произнёс – «Да, это хорошо!»
И в этом мудрость вечная была
Раз Дух Святой на них ни снизошёл, -
Не знают звери ни добра, ни зла,

Ни страха смерти им не испытать,
Ни боли неминуемых утрат,
Им не дано предательства узнать,
Им всё равно, кто прав, кто виноват.

Бездумная беспечность – их удел,
Для них вся жизнь – рисунок на песке...
Бог грустно на животных поглядел,
И подошёл к стремительной реке.

Горсть зачерпнув воды, «Ну, что ж, пора!» – изрек он
И прах смешал земной, что мертвым был от века.

И прах смешал земной, что мертвым был от века,
И липкой глины ком зажал в ладонь,
Он был на ощупь холоднее снега,
Но в глубине его пылал огонь.

Бог оглядел, придирчиво и строго,
Кусок земли, и головой кивнул,
«Осталось сделать, в общем – то, немного»...
Подумал Он, и тяжело вздохнул,

И тверди часть, что сотворил вначале,
Размял в руках божественный Отец,
И вылепил в задумчивой печали -
Свое подобие – творения венец.

На тело указав: «Вот альфа и омега...»
Вдохнул в него Любовь... И создал Человека.

Вдохнул в него Любовь... И создал Человека,
Бесценный дар решивши нам отдать,
И даже тускло тлеющий калека*
Не может о любви не помышлять,

Любовь в душе бессмертной – как лампада,

И в ней огонь негаснувший горит,
Она и мука наша, и отрада,
Она дела великие творит,

Любовь – частица Божьего дыханья,
И мы должны, сквозь вереницу лет,
Лелеять эту тайну мирозданья
Что бы исполнить тем Его завет

И все сердца в один веночек собрать,
Когда Господь задумал этот мир создать...
(*Поклон А. Тенякову.)

Когда Господь задумал этот мир создать,
Из ничего, из хаоса и тьмы,
Сперва, он Свет решил Вселенной дать,
Луну и звёзды, всё, что видим мы.

Потом Он твердь земли от моря отделил,
Могучею рукой границу указав,
И тварями леса и воды населил,
Дав имя каждому, и вид, и цвет, и нрав.

Устало бросив взгляд из-под бровей густых
В творениях своих изъяна не нашёл,
И улыбнулся, указав на них,
И произнёс – «Да, это хорошо!»

И прах смешал земной, что мёртвым был от века,
Вдохнул в него Любовь... И создал Человека!

НОВОГОДНИЙ ВЕНОК

Н.П.

Вот, завершен ещё один виток.
Еще один. Еще один из многих.
По сути, только крохотный шажок
По бесконечной к Вечности дороге.

Всего лишь шаг. Движение одно,
Которое бездумно совершаешь,
Повремени, ведь не исключено,
Что ты сейчас судьбу свою решаешь.

Передохни на этом рубеже,
И вспомни год, что был тобою прожит
Теперь вот он закончен, и уже
Его переменить ничто не может.

Послушай, как сквозь дни, события, лица
Скрипя, плетётся года колесница.

Скрипя, плетётся года колесница,
Всех нас вперёд, не торопясь везет...
И только мысль, парящая как птица,
Способна заглянуть за горизонт.

Туда, где путь скрывается в тумане,
Туда, где ничего, покуда, нет,
В то будущее, что должны мы сами
Слепить из поражений и побед.

Из снов и яви, радости и горя,
Великих дел, и мелочных проблем,
Весь этот мир, бушующий, как море,
Объединив в гармонии со всем

Парящий тихим утром лепесток,
И вновь, луны размазанный желток.

И вновь, луны размазанный желток
Сквозь облака сочится грозовые
Но ночь проходит, заалел восток,
И спать ложатся псы сторожевые.

Тьма отступает, солнца первый луч
Еще несмелый, робкий, но упрямый,
Прорвавшись сквозь завесу серых туч

Осветит уголок оконной рамы.

И, сил набравшись, дальше проскользнёт,
Обрызгав охрой уголок подушки,*
Приемник, поцарапанный комод,
И на столе забытые игрушки...

И вот, уже пытаюсь добудиться,
Дрожа, стекает по твоим ресницам.
(*поклон Б.Пастернаку)

Дрожа, стекает по твоим ресницам
Последний, самый-самый сладкий сон,
Упрямо не желает прекратиться,
И тихо шепчет сказки в ухо он,

Но ночь прошла, увы, пора вставать,
Холодную водою умываться,
Ворчать, зевая застилать кровать,
Пить молоко и в школу собираться.

Колючий снег змеится по земле,
И, как всегда, волнуясь от чего-то,
Мы делаем, разнежившись в тепле,
Последнюю контрольную работу.

Еще три дня... Но это – не беда.
Ну, вот и снова ёлок чехарда!

Ну, вот и снова елок чехарда,
Такой волшебный, долгожданный праздник.
Он не надоедает никогда,
Ведь в детстве он всегда бывает разным!

Ты ждешь и ждешь, когда же он придет,
Считаешь дни украдкой в тетрадке,
Но необыкновенно длинный год
Всё не кончается, как в чашке чай несладкий.

Но – все проходит. Четверти итог
Нам объявляют чередой отметок.
И, в общем то, ты сделал всё, что смог,
(Хотя учитель не уверен в этом.)

И самые счастливые на свете,
Как воробьи, галдят и скачут дети.

Как воробьи, галдят и скачут дети,
Как зайцы, кувыркаются в снегу,

Я с лёгким огорчением заметил,
Что так вот веселиться не могу

Казалось бы, друзья, такая малость,
Кататься с горки, бросив все дела...
Но безмятежность где – то там осталось,
А за себя заботы привела.

И мы сидим степенно за столами,
Одеты легкомысленно-пестро,
Колбасы и соленья перед нами,
Горчица, хрен и холодца ведро...

И пьем за предстоящие года,
И Старый Год, прощаясь навсегда.

И Старый Год, прощаясь навсегда,
Из-за окна глядит на нас с улыбкой.
И посоха усталая звезда
Бросает тусклый свет за гранью зыбкой.

Он помнит, как таким же зимний днем,
Он к нам явился, юным, незнакомым,
И говорили все тогда о нём
Как и сейчас. Но только по – другому.

Его так ждали просто потому,
Что новым все привыкли восторгаться,
Но – срок пришёл, и в дальний путь ему
Под бой часов придётся отправляться.

И что б увидеть, как смеются дети,
В последний раз проходит по планете.

В последний раз проходит по планете,
Которую весь год оберегал,
И был лишь он один за все в ответе,
За то, что знал, и то, чего не знал.

Он был тяжелым, нудным, бесконечным,
Он был прекрасным, кратким, словно миг,
Он разрушал то, что казалось вечным,
Он созидал, и многого достиг...

Пусть прошлое, как водится в природе,
Забудется, рассеется как дым,
Но тех, кто вместе с ним сейчас уходит,
Мы добрым словом помянуть хотим...

Прощаясь, поднимаем тост за вас,
И за него, в холодный зимний час.
И за него, в холодный зимний час
Спешащего во тьме, от дома к дому,
Чей скоро завершается рассказ,
(Ведь в жизни не бывает по – другому),

За те двенадцать месяцев тепла,
И холода, и солнца, и ненастья,
В которые душа всегда жила
Необъяснимым ожиданьем счастья,

И даже самый крошечный росток
Со временем, могучим станет кленом,
Ведь мир вокруг – не добр и не жесток,
Живет он, просто, по своим законам.

За то, чтоб угадать большое в малом,
Мы наполняем пламенем бокалы!

Мы наполняем пламенем бокалы,
Пролившемся из глубины веков,
В нем хрусталём сверкающие залы,
И скромные жилища бедняков,

В нём ласковый рассвет над отчим краем,
Горящие в осаде города,
Всё то, что с детства помним мы и знаем,
И то, что не видали никогда.

Надежды и желания любые,
Являвшиеся в грезах и в бреду,
И то, о чём подумалось впервые -
Сбывается в последний день в году.

И чудо рядом с нами всякий раз,
Ведь этот миг безвременья – для нас.

Ведь этот миг безвременья для нас –
Как тонкая, но прочная граница,
Рубеж меж тем, что есть уже сейчас,
И тем, во что все может превратиться.

Как хорошо, что нам не суждено
Предвосхищать грядущего итоги,
Иначе мы бы вымерли давно,
Несчастные, измученные боги

Бредущие безрадостной гурьбой,

Переплавляя знание в терпенье...
Но нам, зато даровано судьбой
Бесценный дар – Прекрасное Мгновенье!

Мгновение! Ведь это так немало -
Всему конец, и вновь всему начало!

Всему конец, и вновь всему начало.
Так жизни замыкается петля,
И пусть дитя впервые закричало –
Его когда-то тоже ждёт земля...

Но звонкий пульс стучать не перестанет,
Ведь наша жизнь – движение вперед
И если срок в дороге нас застанет -
Другой пойдет. И кто-нибудь дойдет.

Но нынче – все мы живы, мир – спокоен,
И вместе отдыхая от забот,
Гадаем, ну, а всё-таки, какой он,
Спешащий к нам сквозь вьюгу Новый Год!

Скрип снега раздаётся во дворе.
Листок последний рву в календаре...

Листок последний рву в календаре,
И отпускаю бабочкой по ветру.
Взлетит он к колокольне на горе,
И закружится в снежной круговерти.

Помчится через поле, через лес,
Над городом, укутанным в сугробы,
Потом его поднимет до небес,
И он увидит этот мир огромный.

Воистину, бывает лишь зимой
На свете белом красота такая...
А после прилетит к тебе домой.,
И упадет у ног твоих, ласкаясь.

Природа спит в чеканном серебре.
Прощай, любовь! Во встречи в январе!

Прощай, любовь! До встречи в январе...
Пусть новый год к тебе нестрогим будет,
И чтоб, проснувшись завтра на заре,
Тебе хотелось улыбаться людям,

Чтоб рядом были близкие, друзья,

Чтоб миновали злоба и напасти,
И ощутишь ты, точно знаю я,
То, что обычно называют счастьем...

И через много долгих лет поймешь,
Что силы есть, и сердце не остыло,
Бокал, звенящий в руку ты возьмешь,
Без горечи припомнив всё, что было,

И сделаешь шампанского глоток.
«Вот, завершён ещё один виток...»

Вот, завершён ещё один виток.
Скрипя, плетётся года колесница,
И вновь, луны размазанный желток
Дрожа, стекает по твоим ресницам.

Ну, вот и снова ёлок чехарда,
Как воробьи, галдят, и скачут дети,
И Старый Год, прощаясь навсегда,
В последний раз проходит по планете.

И за него, в холодный, зимний час
Мы наполняем пламенем бокалы,
Ведь этот миг безвременья, для нас
Всеми конец, и вновь всему начало.

Листок последний рву в календаре.
Прощай, любовь! До встречи в январе!
31 декабря 1985 г. – 2 декабря 2012 г.

ОСЕННИЙ ВЕНОК

«У меня аллергия на тающий снег...»,
От тебя я когда-то услышал впервые,
В дымке, солнечный диск уходил на ночлег,
И деревья стояли в саду неживые.

А меж тем календарь нам пророчил весну,
Дни заметно длиннее, а ночи – короче,
И пушистых сибирских снегов белизну
По краям теплый ветер уже оторочил.

«Почему?» – поднял я в удивлении бровь,
Это просто такая нелепая шутка?
Ведь весна – это жизнь возрождённая вновь...
Только стало мне вдруг беспокойно и жутко.
«Что ж я сделать могу, если так получилось...»
Ты сказала негромко, как будто смутилась.

Ты сказала негромко, как будто смутилась,
И к руке виновато прижалась щекой.
И всё то, что томило, мгновенно забылось,
И в душе моей вновь воцарился покой.

За окном завывал мокрый мартовский ветер,
И озябшие ветки скреблись о стекло,
И в холодном, так быстро тускнеющем свете
Было видно, что снегом весь двор замело.

А у нас было тихо, тепло и уютно,
И на скатерти важно сипел самовар,
Запотевший графинчик поблескивал мутно,
И пирог источал соблазнительный пар.

И как путник, завидевший дом и ночлег,
На мгновение сердце замедлило бег.

На мгновение сердце замедлило бег,
Никуда торопиться, уже не желая,
Белый кот твой тебе на колени прилёг,
И тихонько мурчал, волосами играя.

Я молчал. Я боялся спугнуть тишину,
Что как полог пуховый над нами нависла,
Замер маятник ходиков, будто уснул,
Не увидев в движеньи особого смысла.

Время замерло. Где-то журчала вода,

И потрескивал в печке огонь, еле слышно...
Только ты встрепенулась, открыла глаза,
И как будто из леса волшебного вышла.

И всё то, что до срока в часах затаилось,
Пропустило два такта, и снова забилося.

Пропустило два такта, и снова забилося,
Гулким, трепетным ритмом наполнив виски,
Как вода из ключа по душе прокатилась,
Унося за собою остатки тоски.

Мы уселись за стол, мы шутили, смеялись,
И друг друга случайно касались плечом,
Этим вечером мы ничего не боялись,
И старались не думать сейчас ни о чём.

Как уснул я – не помню, но вдруг пробудился,
Щебет птиц, услышав, в предрассветной тиши,
И от собственной слабости тут же смутился,
И назад обернуться тот час поспешил.

Ты лежала безвольно, тиха и бледна,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.